

Санкт-Петербург
Театр балета им.
Б. Эйфмана

Ф. Ш. 1997-10

Аутодафе, переходящее в триумф

11.10.97

В Большом театре завершились спектакли
«Нового балета» Бориса Эйфмана

Санкт-Петербургский театр балета Бориса Эйфмана ознаменовал свое 20-летие выступлениями на сцене Большого. Они прошли с феерическим успехом: эмоциональный градус гастролей нарастал от спектакля к спектаклю, несмотря на то, что и «Чайковский», и «Карамазовы» показывались у нас раньше. А открылись гастролы московской премьерой — «Красной Жизелью» — пронзительным, страстным, изобилующим яркими сценическими находками спектаклем.

Последний спектакль 10 октября

«Красная Жизель» посвящена великой русской танцовщице Ольге Спесивцевой. Судьба гениальной исполнительницы Жизели, повторившей в жизни трагедию своей героини, — не биографическая иллюстрация, а скорее попытка прокричать миру о пагубности для личности насилия, любого, хотя бы и оправданного революционной идеей.

В этой постановке Эйфман примиряет почитателей классики и радетелей авангарда. Новаторская сила его хореографии — в синтезе обычно противопоставляемых балетных стилей. Мастер проповедует этот синтез и словом: «...я свободен в выборе средств выражения своих идей и эмоций. Традиция классического балета существует наравне с традицией модерна. Чтобы сегодня сочинять хореографию, необходим их сплав», и делом: как, например, в одной из самых захватывающих сцен — уничтожения босяцкой «культурой» лебединого озера классики. В ней танец на пальцах и то, что мы называем современным балетом, слиты в единое эффективное действие. Босяки изъясняются с «лебедями» примитивными, напоминающими зарядку движениями, тогда как лебеди продолжают свое высокое парение. Две различные техники в едином танце как символ двух противостоящих, взаимоисключающих взглядов, позиций, миров... В итоге нежные лебединые крылья заломлены, ими бесцеремонно шаркают по полу, волочат в темное закулирье...

В финале первого акта из края в край сцены перекинут гигантский трап, по которому медленно, словно насильно, переставляя вдруг отказавшиеся слушаться ноги, «лебеди» восходят на невидимый борт, чтобы навсегда уплыть к другим берегам. Замыкает трагическое шествие Балерина (Ольга Спесивцева).

По словам С. Лифаря, в Париже Спесивцеву встретили с подозрением, считали большевичкой, чуть ли не шпионкой. Есть в спектакле короткий, но мощный и потому врезающийся в память эпизод: красное пончо, в которое Балерину облачает кафешантанная толпа, и терзает, терзает... Но не здесь кроется первопричина названия «Красная Жизель». Цвет «красной» Жизели как символ тех событий, которые пережила актриса в революционном Петрограде и которые преследовали ее всю жизнь вплоть до одинокой кончины в клинике для душевнобольных под Нью-Йорком...

Эйфман не скрывает своего особого отношения к нашему городу, публике и даже критике. Когда его «Новый балет» пребывал еще в пеленках, предпринимались попытки тихо удавить младенца прямо в колыбели. Но следовали гастролы в столицу, из которых труппа возвращалась всякий раз с обильной возторженных (насколько это было тогда возможным) публикаций в центральной прессе — и аутодафе откладывалось.

Для пребывающей в вечном движении труппы возможность выступить в идеальных условиях общения со зрителем, которые предоставляет ГАБТ, — истинный подарок судьбы. Борис Эйфман так и воспринял эту возможность: «Поистине, в России надо жить долго, чтобы дожидаться реализации своей мечты. Гастролы в Большом — момент высшего удовлетворения. Оно настолько переполняет сердце, что я боюсь думать о будущем — уж очень высоко поднята планка». Тем не менее задуматься придется: уже объявлено о первой постановке Эйфмана в Большом театре: «У меня в проекте балет о Павле, как бы о русском Гамлете. Я буду делать его для своей труппы параллельно со сценической и актерской адаптацией для труппы Большого театра. Это реально».

Елена ЛИТОВЧЕНКО
Фото Дмитрия КУЛИКОВА